

К 100-ЛЕТИЮ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

© 2022 г. В. Е. Батюкова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: Batuykova@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.07.2022 г.

Аннотация. Автор анализирует развитие понятия преступления, содержащегося в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и первом Уголовном кодексе 1922 г. Рассмотрены концептуальные вопросы становления анализируемого понятия. Исследованы основные уголовно-правовые воззрения 1917–1922 г., которые повлияли на развитие уголовного законодательства; проведен анализ понятия преступления, формально определенного в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и УК РСФСР 1922 г.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., наказуемость, виновность, противоправность, наказание, меры социальной защиты, классовая природа.

Цитирование: Батюкова В.Е. К 100-летию Уголовного кодекса РСФСР: ретроспективный анализ понятия преступления первых лет советской власти // Государство и право. 2022. № 12. С. 131–138.

DOI: 10.31857/S102694520023310-2

TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE CRIMINAL CODE OF THE RSFSR: A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF CRIME OF THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

© 2022 V. E. Batuykova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: Batuykova@yandex.ru

Received 21.07.2022

Abstract. The author analyzes the development of the concept of crime contained in the Guidelines on Criminal Law of the RSFSR of 1919 and the first Criminal Code of 1922. The conceptual issues of the formation of the analyzed concept are considered. The main criminal legal views of 1917–1922 that influenced the development of criminal legislation are investigated; the concept of crime formally defined in the Guidelines on Criminal Law of the RSFSR of 1919 is analyzed G. and the Criminal Code of the RSFSR 1922.

Key words: crime, public danger, Guiding principles on criminal law of the RSFSR of 1919, Criminal Code of the RSFSR of 1922, punishability, guilt, illegality, punishment, social protection measures, class nature.

For citation: Batuykova, V.E. (2022). To the 100th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR: a retrospective analysis of the concept of crime of the first years of Soviet power // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 131–138.

После победы Октябрьской революции возникла проблема понимания социалистического права как права нового типа, в котором находили отражение интересы господствующего класса, т.е. класса рабочих и крестьян.

На формирование такого права и уголовного в том числе, как известно, в большей степени повлияло марксистско-ленинское учение о классовом характере государства. М.Ю. Козловский по этому поводу писал: «Право рождается из непримиримого антагонизма классов; существует, пока налицо классовый строй; умирает вместе со смертью классового общества, и, значит, его нет в коммунистическом обществе»¹.

Признавая классовую природу советского уголовного права и преступления, А.А. Пионтковский отмечал: «При построении всей системы уголовного права пролетарское государство может взять целый ряд элементов из разрушенной системы буржуазного уголовного права, в частности и в области “круга преступного”, но тем не менее она по своему социальному содержанию является полной диалектической противоположностью уголовному праву буржуазного государства... Пролетарское уголовное право впервые выступает защитницей интересов громадного большинства всех трудящихся. Впервые преступление приобретает действительно антисоциальный характер. Диалектически меняется и социальная роль уголовного права: из фактора реакционного, охраняющего господство уже отжившего, сыгравшего свою историческую роль класса и тем самым тормозившего развитие производительных сил общества, с момента переворота оно превращается в фактор революционный, защищая новый пришедший к господству класс...»².

В первые годы советской власти активно обсуждались вопросы, касавшиеся не только всей уголовной политики Советского государства, но также преступности и наказуемости деяний, их социальной сущности, кодификации уголовного законодательства³.

В те годы многие видные научные и политические деятели высказывались о необходимости принятия пролетарского уголовного кодекса, поскольку правоприменительная практика складывалась не на положениях закона, суды руководствовались революционной совестью и пролетарским правосознанием, всячески отвергая буржуазное право вообще и уголовное в частности.

Об этом М.А. Чельцов-Бебутов писал: «Центральная советская власть не регулировала дела отправления правосудия общими законами. Были изданы отдельные немногочисленные декреты, касающиеся тех или иных преступлений, признаваемых наиболее важными. Все же остальное было предоставлено правовому творчеству новых революционных судов»⁴.

А.А. Пионтковский утверждал, что «на следующий день после пролетарской революции можно только уничтожить старый уголовный кодекс, но нового создать нельзя.

В момент переворота пролетариат в своем классовом правосознании может лишь иметь несколько общих уголовно-правовых положений; вся система уголовного права и “круг преступного” пролетарского государства могут выработаться и оформиться лишь в процессе пролетарской диктатуры», поэтому он полагал, что в определенный период вполне оправданным считать «свободное судебное правотворчество пролетарского суда в области уголовного права»⁵.

После октябрьских событий деятельность пролетарских судов основывалась не на букве закона, а скорее носила самовольный характер, часто основываясь на инициативе местных органов по принятию нормативных правовых актов⁶, поэтому к концу 1917 г. вопрос кодификации уголовного законодательства, как никогда, стоял остро. Попытка упорядочения уголовно-правовых норм в марте 1918 г. была предпринята отделом законодательных предположений и кодификации НКЮ РСФСР во главе с И.З. Штейнбергом. К марту 1918 г. на основе «не отмененных» революцией положений Уголовного уложения 1903 г. в совокупности с первыми декретами советской власти был подготовлен проект Советского уголовного уложения, а также Инструкция местным и окружным народным судьям о применении уголовных законов, которые впоследствии не были опубликованы и, соответственно, не вступили в законную силу⁷.

Принятые 12 декабря 1919 г. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР явились прообразом первого уголовного кодекса, в котором, по мнению многих исследователей, впервые определялась классовая природа преступления да и права вообще. В данном правовом акте были заложены принципиально новые основы уголовного права, которые впервые раскрывали классовую сущность правовых норм, поэтому основной задачей уголовного права авторы Руководящих начал 1919 г. определяли «охрану системы общественных отношений, соответствующих интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс».

Во «Введении» к Руководящим началам по уголовному праву РСФСР было сформулировано классовое определение права. В июне 1921 г. в предисловии к первому изданию книги «Революционная роль права и государства» П.И. Стучка писал, что «за основу для своей работы я взял то определение права, которое мы в коллегии Нар. Ком. Юст. в 1919 г. приняли в своих руководящих началах уголовного права. Я должен сознаться, что мы тогда приняли эту формулировку довольно поспешно и больше чутьем, чем после тщательного изучения вопроса. И теперь был даже приятно поражен, когда я убедился, что это определение в общем выдерживает критику»⁸.

Как известно, в ст. 5, 6 разд. III «О преступлении и наказании» Руководящих начал по уголовному праву (1919 г.) было сформулировано классовое понятие преступления:

«5) Преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом.

¹ Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 23.

² Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. М., 1924. С. 16.

³ Об этом см. подр.: Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 106–108.

⁴ Чельцов-Бебутов М.А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. С. 65.

⁵ Пионтковский А.А. Указ. соч. С. 16, 17.

⁶ См.: Шелконогова Е.В. Советское уголовное уложение и Уголовный кодекс РФ: сравнительно-правовой анализ // Росс. юрид. журнал. 2016. № 3 (108). С. 127.

⁷ См.: Токарева С.Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // Lex russica. 2019. № 10. С. 155.

⁸ Стучка П.И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 3-е изд., пересмотр. и доп. М., 1924. С. IX.

6) Преступление, как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)⁹.

Многие исследователи считают, что это первая попытка законодателя дать материальное понятие преступления. О.Ф. Шишов писал: «Впервые в истории советского уголовного права дано материальное определение понятия преступления, раскрывающее его классовую сущность»¹⁰. Справедливости ради, нужно отметить, что другие исследователи заметили, что указание на материальный признак преступления можно обнаружить и в более ранних актах советского законодателя¹¹. Кроме этого М.С. Строгович указывал, что «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., вполне ясно формулируя классовую природу советского уголовного права, тем не менее, давали лишь формальное определение преступления»¹², при этом цитируя лишь ст. 5 Руководящих начал по уголовному праву: «преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом». Однако следует согласиться, что формальный признак преступления «запрещенность законом» в данном определении отсутствует, поскольку законодатель указал лишь на «нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом»¹³.

Такая дефиниция не позволяла определить характер и степень общественной опасности и, соответственно, отличить преступное от не преступного, т.е. преступление от иных видов правонарушений. Несмотря на то что некоторые признаки категоризации преступлений были предусмотрены еще в Уголовном уложении 1903 г., которое предусматривало трехчленное деление преступных деяний в зависимости от тяжести налагаемых наказаний за их совершение. Первые нормативные правовые акты Советского государства, например Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г., содержали нормы, определяющие и разграничивающие преступные деяния по признаку опасности для революционной власти на:

особо опасные преступления, которые были отнесены к ведению революционных трибуналов;

и все остальные, отнесенные к ведению местных судов¹⁴.

В Декрете о суде № 3 от 20 июля 1918 г. (ст. 1) уже упоминалось как о преступлении, так и о проступке: «на местные народные суды возлагалось рассмотрение всех уголовных дел о преступлениях и проступках, за исключением дел о посягательствах на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков и некоторых иных»¹⁵.

⁹ См.: СУ РСФСР. 1919. № 66, ст. 590.

¹⁰ Шишов О.Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года — памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. 1980. № 3. С. 84.

¹¹ См.: Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Указ. соч. С. 110.

¹² Строгович М.С. Реформа уголовного кодекса // Сов. право. 1926. № 1 (19). С. 53.

¹³ Булатов С.Я. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Правоведение. 1959. № 4; Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Руководящие начала 1919 года как прообраз Общей части УК РСФСР 1922 года // Юрид. вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 4. С. 27.

¹⁴ См.: Сб. документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 15, 16.

¹⁵ См.: там же. С. 28.

Тем не менее в Руководящих началах по уголовному праву не нашли отражение признаки категоризации преступлений, опасность деяния в большей степени определялась опасностью лица, его совершившего. При выборе наказания предписывалось учитывать: «а) совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, или неимущим, в состоянии голода или нужды; б) совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса, или в интересах личных совершающего деяние» (ст. 12). Статья 20 определяла, что «стадия осуществления намерения совершающего преступление сама по себе не влияет на меру репрессии, которая определяется степенью опасности преступника».

Выделение некоторых групп преступлений определялось в большей степени их подсудностью и порядком исполнения наказания.

Давая характеристику того времени, Д.И. Курский указывал, что «преступление и наказание в новом праве получили крайне своеобразную постановку, совсем отличную от той, которую знали прежние буржуазные кодексы. Всевозможного рода уложения и уставы о наказаниях, во-первых, всегда точно определяли “состав преступления”, его основные признаки и стремились дать исчерпывающий перечень запрещенных деяний, во-вторых, они всегда скрупулезно точно определяли меру наказания. Новое уголовное право не знает ни того, ни другого»¹⁶.

В начале 1920-х годов возникла острая необходимость принятия Уголовного кодекса, в содержание которого входили бы не только Общая часть, но и Особенная. Первые декреты советской власти не содержали четких диспозиций составов преступлений и конкретных карательных санкций. В целом декреты указывали на необходимость борьбы с теми или иными преступными деяниями, а меры наказания относили к компетенции трибуналов и народных судов.

Многие положения, содержащиеся в Руководящих началах по уголовному праву, нашли свое отражение и развитие в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. Однако разработка советского Уголовного кодекса была совершенно новым делом, поскольку впервые стояла задача создания кодекса, основанного на «социалистических правовых взглядах, на учении марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата и ставившего своей целью защиту социалистического государства рабочих и крестьян от преступных посягательств врагов социализма»¹⁷. Сложность процесса кодификации заключалась в том, что советский законодатель не имел предшественников и тем более не мог учесть правоприменительный опыт прошлого, поэтому опирался только на свои знания и опыт, на практику применения уголовно-правовых норм первых лет советской власти. В рассматриваемый период наметились две противоположные точки зрения: одни считали создание Уголовного кодекса РСФСР преждевременным, «не отвечающим духу трибунальской репрессии»¹⁸; другие требовали немедленного его принятия на основе дореволюционного уголовного законодательства (Уголовное уложение 1903 г.).

Именно поэтому в ст. 1 проекта Уголовного уложения было дано формальное определение преступления:

¹⁶ Курский Д.И. На путях развития советского права. Статьи и речи 1919–1926. М., 1927. С. 48, 49.

¹⁷ Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. С. 104.

¹⁸ Там же. С. 105.

«преступным признается деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания».

В зависимости от опасности совершенных деяний анализируемый проект делил их на преступления и проступки. К преступлениям относились такие деяния, за которые предусматривалось в качестве наказания лишение свободы на срок более шести месяцев или лишение всех или некоторых политических прав. К проступкам относились такие деяния, за которые определялось наказание в виде лишения свободы не свыше шести месяцев или денежная пеня (ст. 3 Уголовного уложения).

Таким образом, общественная опасность как признак преступления в проекте, основанном на Уголовном уложении 1903 г., не принимался во внимание, учитывался формальный признак преступления — запрещенность деяния действующей уголовно-правовой нормой.

Одним из основных вопросов, обсуждаемых в процессе подготовки Уголовного кодекса, стал вопрос об основаниях уголовной ответственности. Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. устанавливали, что «при определении меры воздействия на совершившего преступление суд оценивает степень и характер (свойство) опасности для общества как самого преступника, так и совершенного им деяния» (ст. 11), т.е. в первую очередь устанавливалась опасность лица, а уже во вторую — опасность деяния. Проект специальной комиссии Общеконсультационного отдела Народного комиссариата юстиции конца 1920 — начала 1921 г. включал в себя положения социологической школы уголовного права. Основная идея этого проекта основывалась на том, что при оценке преступности и наказуемости деяния необходимо учитывать опасное состояние личности преступника, а не общественную опасность самого деяния. Авторы этого проекта отрицали деление преступлений в зависимости от их тяжести, обозначив, что «внешние формы осуществления деяния, степень реализации воли, формы участия в правонарушении теряют значение граней, с необходимостью определяющих тяжесть наказания и даже саму наказуемость. Оттенки умышленности, неосторожности утрачивают значение факторов, направляющих наказание по заранее определенной линии»¹⁹. На основании этих положений были сформулированы две статьи следующего содержания: «Лицо, опасное для существующего порядка общественных отношений, подлежит наказанию по настоящему Кодексу. Наказуемыми являются как действие, так и бездействие. Опасность лица обнаруживается наступлением последствий, вредных для общества, или деятельностью, хотя и не приводящей к результату, но свидетельствующей о возможности причинения вреда» (ст. 2, 3 Проекта 1920 г.).

Эти положения были воспроизведены с некоторыми изменениями в проекте Уголовного кодекса Наркомюста 1921 г.: «Опасность лица обнаруживается наступлением последствий, вредных для общества, или деятельностью, хотя и не приводящей к результату, но свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку» (ст. 4).

Первый Уголовный кодекс РСФСР был введен в действие с 1 июня 1922 г., в котором определялось анализируемое понятие: «преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (ст. 6).

Ранее Д.И. Курский, выступая с докладом на заседании ВЦИК, посвященном проекту Уголовного кодекса 1922 г., дал следующую оценку сформулированного понятия преступления: «Предполагаемый проект Уголовного кодекса определяет преступление так, как его должен определить Уголовный кодекс, написанный марксистами и продиктованный правосудием, которое творят рабочие и крестьяне»²⁰.

С момента принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. в науке уголовного права появляются работы, посвященные изучению понятия преступления, а также определению круга преступных деяний, при этом А.А. Пионтковский писал: «Если неизбежен для установившейся диктатуры пролетариата период почти неограниченного уголовно-правового судебного правотворчества, то по мере установления новых общественных связей на основе классового господства пролетариата выкристаллизовывается постепенно круг преступного, соответствующий классовым интересам организовавшегося в государство пролетариата, вместе с тем оформляются постепенно и все остальные элементы системы уголовного права переходной эпохи»²¹. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что анализируемый Уголовный кодекс все еще содержал норму, позволяющую применять уголовный закон по аналогии. Так ст. 10 УК РСФСР была изложена в следующей редакции: «В случае отсутствия в Уголовном Кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного Кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса».

Следует напомнить, что противоправность деяний и их наказуемость в период с 1917 г. до принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. определялась некоторыми декретами рабоче-крестьянского правительства и социалистическим правосознанием судьи, поэтому вопрос об определении преступности и наказуемости деяний оставался весьма важным²².

Тем не менее в научной литературе того времени отмечалась важность законодательного определения преступления, в основу которого положен материальный признак. М.А. Чельцов-Бебутов отмечал, что «в отличие от формального буржуазного кодекса, определяющего преступление формально, как деяние, под страхом наказания запрещенное законом во время его совершения, советский законодатель определяет его материально, по существу, со стороны его вредности, опасности для правопорядка»²³.

Принятый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. раскрыл социальную (материальную) сущность норм. Постулат, определенный ст. 5, содержал: «Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов и осуществляет эту защиту путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты», т.е. уголовный закон в качестве основной своей задачи определяет защиту именно рабоче-крестьянского государства. В данной уголовно-правовой норме законодатель определяет функцию защиты от преступлений и применения наказания за их совершение. Таким образом,

²⁰ Курский Д.И. Избр. статьи и речи. 2-е изд., доп. М., 1958. С. 81.

²¹ Пионтковский А.А. Преступление в социалистическом обществе // Сов. право. 1923. № 2 (5). С. 16, 17.

²² См.: Краковский К.П. Уголовная ответственность советских государственных служащих за должностные преступления (1920-е гг.) // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 5. С. 157.

²³ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 84, 85.

¹⁹ Цит. по: Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. и др. История советского уголовного права. М., 1948. С. 249.

УК РСФСР 1922 г. формулировал два основополагающих понятия — «преступление» и «наказание».

По мнению Г.В. Швекова, «это весьма совершенное для своего времени определение по существу представляет собой центральное и наиболее важное положение кодекса в той его части, которая посвящена проблеме оснований уголовной ответственности»²⁴. Впервые на законодательном уровне было установлено, что для наступления уголовной ответственности необходимо определить общественную опасность деяния, а не «опасность личности», как трактовали Руководящие начала 1919 г. Тем не менее Уголовный кодекс 1922 г. все еще содержал такие понятия, как «общественно опасные элементы», «нарушители революционного правопорядка» (ст. 5), «опасность лица» (ст. 7), «лица, признанные судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально опасными» (ст. 49), что свидетельствует о влиянии теорий обосновывающих уголовную ответственность опасностью личности. Несмотря на то что УК РСФСР 1922 г. все еще содержал нормы, определяющие «опасность лица», правоприменительная практика исходила из опасности деяния. Так, например, в кассационном определении Мосгубсуда № 23-43/1923 г. суд первой инстанции осудил А. по ст. 10 (аналогия) и ст. 13 (покушение) за то, «что он высказал взгляд, свидетельствующий о его враждебном отношении к рабочей печати». Суд отменил приговор на следующем основании: «Какое бы ни было, „отношение“ не является деянием и не может быть наказуемо в уголовном порядке»²⁵.

Помимо этого, в ст. 7 УК РСФСР 1922 г. устанавливалось, что «опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку». Отсюда следует, что в основе уголовной ответственности лежали именно деяния, опасные для существующего строя.

Справедливости ради отметим, что положения ст. 49 УК РСФСР 1922 г., определяющие социальную опасность лица в зависимости от «связи с преступной средой в определенных местностях», правоприменительной практикой расценивалось как возможность назначения дополнительного наказания в виде ссылки²⁶.

Следует также обратить внимание на то, что общее понятие преступления законодатель фактически наделяет двумя признаками: материальным и опосредованно формальным, однако точного указания на противоправность деяния в понятии преступления УК РСФСР 1922 г. не могло быть.

Материальный признак преступления, который раскрывает его сущность и определяет, почему то или иное деяние признается преступлением, законодатель раскрывает через дефиницию, что всякое действие или бездействие должно быть общественно опасным не для абстрактной системы охраняемых благ или интересов, а именно для рабоче-крестьянского правопорядка. Социальную вредность общественно опасного действия или бездействия законодатель того времени определяет через указание на то, что преступление угрожает основам советского строя и правопорядку. Прямое указание на то, что преступление причиняет вред охраняемым общественным отношениям, отсутствует.

Кроме этого в ст. 24 УК РСФСР 1922 г. законодатель устанавливает, что при определении меры наказания необходимо учитывать степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления.

Устанавливая характер общественной опасности преступления, законодатель того времени, с одной стороны, в Особенной части УК РСФСР, определяя значимость различных видов охраняемых общественных отношений, расположил главы, содержащие конкретные виды преступлений, в следующей последовательности:

Глава I. Государственные преступления (1. О контрреволюционных преступлениях; 2. О преступлениях против порядка управления).

Глава II. Должностные (служебные) преступления.

Глава III. Нарушение правил об отделении церкви от государства.

Глава IV. Преступления хозяйственные.

Глава V. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (1. Убийство; 2. Телесные повреждения и насилия над личностью; 3. Оставление в опасности; 4. Преступления в области половых отношений; 5. Иные посягательства на личность и ее достоинство).

Глава VI. Имущественные преступления.

Глава VII. Воинские преступления.

Глава VIII. Нарушение правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и публичный порядок.

С другой стороны, в ст. 25 УК РСФСР законодатель закрепил, что для определения меры наказания необходимо устанавливать: «а) совершено ли преступление в интересах восстановления власти буржуазии, или в интересах чисто личных совершившего преступление; б) направлено ли преступление против государства или отдельной личности; в) совершено ли преступление в состоянии голода и нужды или нет; г) совершено ли преступление из низменных, корыстных побуждений или без таковых; д) совершено ли преступление с полным сознанием причиняемого вреда или по неведению и неосознанности; е) совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, или оно совершено в первый раз; ж) совершено ли преступление группой (шайкой, бандой) или одним лицом; з) совершено ли преступление посредством насилия или без такового; и) обнаружено ли совершающим преступление заранее обдуманное намерение, жестокость, хитрость, или преступление совершено в состоянии запальчивости, по неосторожности, легкомыслию или под влиянием угроз и принуждения другого лица; к) совершено ли преступление взрослым, несовершеннолетним от 16—18 лет, несовершеннолетним от 14—16 лет или малолетним до 14 лет», которая, на наш взгляд, отражает характер и степень общественной опасности, определяемая законодателем того времени.

Материальный признак преступления находит отражение и в других уголовно-правовых нормах. Советский уголовный закон предоставляет право выбирать меру наказания соучастникам преступления в зависимости не только от степени их участия, но и степени опасности лица и совершенного им преступления (ст. 15 УК РСФСР 1922 г.).

Формальный признак преступления, его противоправность, законодатель определяет опосредованно через указание об опасности преступлений основам советского строя и правопорядку, т.е. порядку, охраняемому правом. Однако точного указания на то, что лицо, совершившее

²⁴ Швеков Г.В. Указ. соч. С. 161.

²⁵ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 42.

²⁶ См.: Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР. Л., 1925. С. 140, 141.

преступление, нарушило запрет, установленный Уголовным кодексом, в то время быть не могло, в связи с тем, что действовала норма об аналогии.

Следует отметить, что при обсуждении проектов УК РСФСР 1922 г. состоялись острые дебаты относительно нормы об аналогии. Так, например, Председатель Малого Совнаркома категорически высказался против нее: аналогия — отступление от принципа законности, путь к судебному произволу, «взрыв» Особенной части Уголовного кодекса. Среди ученых также были разногласия, например, М.М. Исаев, считал, что аналогия носит чисто технический, а не принципиальный характер²⁷; А.А. Пионтковский полагал аналогией видо расширительного толкования уголовного закона; М.А. Чельцов-Бебутов и Н.В. Крыленко придавали ст. 10 УК РСФСР принципиальное значение в деле «революционизированного права»²⁸. Тем не менее большинство считали, что аналогия нужна, так как за четыре года советской власти не могло сформироваться окончательное представление о всех возможных формах преступных посягательств, опасных для Советского государства.

Изданный 8 июля 1922 г. циркуляр НКЮ предписывал судам: «По общему правилу наказания и другие меры социальной защиты могут применяться судом лишь в отношении деяний, точно указанных в УК. Изъятие из этого правила допускается лишь в тех исключительных случаях, когда деяние подсудимого хотя точно и не предусмотрено Уголовным кодексом, но суд признает его явно опасным с точки зрения основ нового правопорядка, установленного рабоче-крестьянской властью, но не законом свергнутого правительства».

В этой связи хотелось бы напомнить о т.н. парафиновом деле (апрель 1922 г.). Суть его состояла в следующем. На таможенно поступило 600 пудов парафина. За несколько дней поменялось шесть собственников парафина, а его стоимость выросла в три раза, при этом он все время находился в одном месте — таможене. Верховный трибунал должен был решить вопрос — допустима ли подобная деятельность с точки зрения действующего законодательства, и подлежат ли государственные служащие ответственности за небрежное отношение к государственному добру, за сознательное спекулятивное взвинчивание цен. Защита доказала, что имел место свободный договор и, соответственно, отсутствие состава преступления. Трибунал признал деяние опасным, направленным во вред Советскому государству. Верховный трибунал вынес обвинительный приговор в отношении всех участников, в том числе и государственных служащих. Однако вынес определение о необходимости утверждения приговора Президиумом ВЦИК. Президиум ВЦИК отметил, что ввиду отсутствия в момент совершения осужденными инкриминируемых им деяний точных законоположений в этой области, приговор Верховного трибунала отменил и дело прекратил²⁹.

Норма об аналогии судами применялась крайне редко, носила крайне исключительный характер, применялась при условии действительной и значительной опасности деяния³⁰.

Понятие преступления определялось в Уголовном кодексе РСФСР как «всякое общественно опасное действие или бездействие». Э.Я. Немировский, давая характеристику

понятию преступления, писал: «С установлением революционной законности общее определение 6 ст. УК уточнялось, конкретизировалось описанием составов отдельных преступлений в особенной части Кодекса, и ныне преступным должно быть признано то, что не только соответствует ст. 6 УК, но и какой-либо из статей Кодекса или прямо, или хотя бы посредством распространения ее по аналогии. Ст. 6, как и 9 (о социалистическом правосознании) служат только точкой опоры для суда при разрешении вопроса о применимости аналогии и ст. 10»³¹.

Законодательное определение преступления, содержащееся в ст. 6 УК РСФСР 1922 г., свидетельствует о том, что в него не включены такие признаки, как виновность и наказуемость, известные Уголовному кодексу РФ 1996 г., тем не менее Э.Я. Немировский писал, что «преступление представляет собой особый вид правонарушений, а именно это правонарушение наказуемое. Но наказуемость есть внешний, формальный признак...»³². В ст. 11 УК РСФСР 1922 г. было указано, что «наказанию подлежат лишь те, которые: а) действовали умышленно, т.е. предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление; или б) действовали неосторожно, т.е. легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть».

Понятие малозначительности деяния, присущее Уголовному кодексу РФ, как известно, появилось только в 1924 г. в виде уголовно-процессуальной нормы и впервые включена в текст УК РСФСР 1926 г.

Категоризация преступлений в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. формально определялась через порядок назначения наказания и в большей степени устанавливалась, исходя из тех общественных отношений, которые ставились под охрану уголовным законом³³. В ст. 27 было указано: «Устанавливая меру наказания, Уголовный Кодекс различает две категории преступления: а) направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемые ею наиболее опасными; и б) все остальные преступления, по которым установлен высший предел определяемого по суду наказания».

Таким образом, законодателем в данной уголовно-правовой норме определялся классовый подход, который проявлялся в социальной направленности и степени опасности преступлений, посягающих на установленные «рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка».

Анализ указанной уголовно-правовой нормы позволяет заключить, что к первой группе преступлений законодатель отнес такие преступления, за которые суд не может назначить наказание ниже предела, установленного санкцией статьи. Например, при совершении преступления, предусмотренного ст. 58 УК РСФСР 1922 г., законодатель санкцию определил следующим образом: «карается — высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества. При установлении судом неосведомленности участника о конечных целях означенного в сей статье преступления, участие в нем карается — лишением свободы на срок не ниже трех лет».

²⁷ См.: Исаев М.М. Указ. соч. С. 138.

²⁸ Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. и др. Указ. соч. С. 239–305.

²⁹ См.: там же. С. 273, 274.

³⁰ См.: Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 91.

³¹ Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Одесса, 1924. С. 52.

³² Там же. С. 50.

³³ См.: Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М., 1987. С. 57.

Ко второй группе отнесены все остальные преступления, в санкциях статей которых законодателем определяется высший, допустимый для суда предел. Например, ст. 182 УК РСФСР устанавливала: «грабеж, т.е. открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им, но без насилия над его личностью, карается — принудительными работами или лишением свободы на срок до одного года».

В соответствии с требованиями ст. 27 УК РСФСР 1922 г. законодателем определялись санкции норм Особенной части. При этом к числу опасных преступлений, за которые суд не может назначить наказание ниже предела, установленного санкцией статьи, относились не только государственные преступления, но и должностные (служебные) преступления, а также некоторые хозяйственные преступления, преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, имущественные преступления и т.д. Например, за хищение из государственных складов, вагонов, судов и других хранилищ, производившееся систематически или совершенное ответственными должностными лицами, или в особо крупных размерах похищенного, законодатель предусмотрел — лишение свободы на срок не ниже трех лет или высшую меру наказания (п. «з» ст. 180 УК РСФСР 1922 г.).

Давая характеристику категоризации преступлений по Уголовному кодексу РСФСР 1922 г., следует отметить, что первая группа преступлений определялась положительными признаками, характеризующими общественную опасность для установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка; вторая же группа преступлений определялась методом исключения³⁴. Представленное деление всех преступлений на категории не отражалось в структуре Особенной части. Однако, по мнению некоторых исследователей истории уголовного права, деление Особенной части на две указанные группы преступлений подразумевалось, поскольку было связано со строением санкций уголовно-правовых норм³⁵.

Обращает внимание также тот факт, что в первую группу преступлений относятся два его вида: одни определяются направленностью на важный объект — основы нового правопорядка, другие по признаку, относящемуся к любому элементу или признаку состава преступления, — «наиболее опасные».

Тем не менее категории преступлений в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. выделялись в самом обобщенном виде, поэтому для применения ст. 27 УК РСФСР требовалось официальное толкование. В этой связи Верховный Суд РСФСР разъяснил, что тяжкими преступлениями признаются те, которые угрожают основам советского строя (преступления контрреволюционные, шпионаж, бандитизм, корыстные хозяйственные и должностные преступления с тяжкими для государства последствиями)³⁶. Относительно других категорий преступлений никаких разъяснений не последовало.

Принципиальной особенностью первого социалистического Уголовного кодекса явилось раскрытие материальной, т.е. социальной, сущности и назначения институтов

и норм Общей части. Защита рабоче-крестьянского государства и общества от преступных посягательств объявлялась задачей УК РСФСР (ст. 5). Преступление определялось как общественно опасное действие или бездействие, опасное не для абстрактной системы благ, а для рабоче-крестьянского правопорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов С.Я. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Правоведение. 1959. № 4.
2. Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. и др. История советского уголовного права. М., 1948. С. 239–305.
3. Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР. Л., 1925. С. 138, 140, 141.
4. Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 23.
5. Краковский К.П. Уголовная ответственность советских государственных служащих за должностные преступления (1920-е гг.) // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 5. С. 157.
6. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 42, 91.
7. Курский Д.И. Избр. статьи и речи. 2-е изд., доп. М., 1958. С. 81.
8. Курский Д.И. На путях развития советского права. Статьи и речи 1919–1926. М., 1927. С. 48, 49.
9. Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Одесса, 1924. С. 50, 52.
10. Пионтковский А.А. Преступление в социалистическом обществе // Сов. право. 1923. № 2 (5). С. 16, 17.
11. Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. М., 1924. С. 16, 17.
12. Сб. документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 15, 16, 28, 119.
13. Строгович М.С. Реформа уголовного кодекса // Сов. право. 1926. № 1 (19). С. 53.
14. Стучка П.И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 3-е изд., пересмотр. и доп. М., 1924. С. IX.
15. Токарева С.Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // Lex russica. 2019. № 10. С. 155.
16. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М., 1987. С. 57.
17. Чельцов-Бебутов М.А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. С. 65, 84, 85.
18. Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Руководящие начала 1919 года как прообраз Общей части УК РСФСР 1922 года // Юрид. вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 4. С. 27.
19. Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и кримиологов. 2020. № 2. С. 106–108, 110.
20. Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. С. 104, 105, 161.
21. Шишов О.Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года — памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. 1980. № 3. С. 84.
22. Щелоконогова Е.В. Советское уголовное уложение и Уголовный кодекс РФ: сравнительно-правовой анализ // Росс. юрид. журнал. 2016. № 3 (108). С. 127.

³⁴ См.: Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. и др. Указ. соч. С. 252.

³⁵ См.: там же. С. 253.

³⁶ См.: Сб. документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. С. 119.

REFERENCES

1. *Bulatov S. Ya.* Guiding principles on Criminal Law of the RSFSR // *Pravovedenie*. 1959. No. 4 (in Russ.).
2. *Gertsenzon A.A., Gringauz S.S., Durmanov N.D., etc.* History of Soviet Criminal Law. M., 1948. P. 239–305 (in Russ.).
3. *Isaev M.M.* The General part of the Criminal Law of the RSFSR. L., 1925. P. 138, 140, 141 (in Russ.).
4. *Kozlovsky M. Yu.* Proletarian revolution and Criminal Law // *The Proletarian Revolution and Law*. 1918. No. 1. P. 23 (in Russ.).
5. *Krakovsky K.P.* Criminal liability of Soviet civil servants for official crimes (1920s) // *Proceedings of the ISL of the RAS*. 2020. Vol. 15. No. 5. P. 157 (in Russ.).
6. *Kuznetsova N.F.* Crime and criminality. M., 1969. P. 42, 91 (in Russ.).
7. *Kursky D.I.* Selected articles and speeches. 2nd ed., add. M., 1958. P. 81 (in Russ.).
8. *Kursky D.I.* On the ways of development of Soviet law. Articles and speeches 1919–1926. M., 1927. P. 48, 49 (in Russ.).
9. *Nemirovsky E. Ya.* Soviet Criminal Law. Odessa, 1924. P. 50, 52 (in Russ.).
10. *Piontkovsky A.A.* Crime in a socialist society // *Soviet law*. 1923. No. 2 (5). P. 16, 17 (in Russ.).
11. *Piontkovsky A.A.* Criminal Law of the RSFSR. The General part. M., 1924. P. 16, 17 (in Russ.).
12. Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917–1952. M., 1953. P. 15, 16, 28, 119 (in Russ.).
13. *Strogovich M.S.* Reform of the Criminal Code // *Soviet law*. 1926. No. 1 (19). P. 53 (in Russ.).
14. *Stuchka P.I.* The revolutionary role of law and the state. The general doctrine of law. 3rd ed., rev. and supplemented. M., 1924. P. IX (in Russ.).
15. *Tokareva S.N.* Codification of Criminal Law in the first years of Soviet power: from continuity to independence // *Lex russica*. 2019. No. 10. P. 155 (in Russ.).
16. Criminal law: experience of theoretical modeling / res. ed. V.N. Kudryavtsev, S.G. Kelina. M., 1987. P. 57 (in Russ.).
17. *Cheltsov-Bebutov M.A.* Crime and punishment in history and in Soviet law. Kharkov, 1925. P. 65, 84, 85 (in Russ.).
18. *Chuchaev A.I., Gracheva Yu. V., Malikov S.V.* The guiding principles of the beginning of 1919 as a prototype of the General part of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 // *Legal herald of the Kuban State University*. 2019. No. 4. P. 27 (in Russ.).
19. *Chuchaev A.I., Gracheva Yu. V., Malikov S.V.* Guiding principles on Criminal Law: background of development, prototype of the General part of the first Criminal Code of the RSFSR, significance (to the 100th anniversary of adoption) // *Union of Criminologists and Criminologists*. 2020. No. 2. P. 106–108, 110 (in Russ.).
20. *Shvekov G.V.* The first Soviet Criminal Code. M., 1970. P. 104, 105, 161 (in Russ.).
21. *Shishov O.F.* Guiding principles on criminal law of the RSFSR of 1919 – a monument of Soviet criminal law thought // *Jurisprudence*. 1980. No. 3. P. 84 (in Russ.).
22. *Shchelkonogova E.V.* The Soviet Criminal Code and the Criminal Code of the Russian Federation: comparative legal analysis // *Russ. legal journal*. 2016. No. 3 (108). P. 127 (in Russ.).

Сведения об авторе

БАТЮКОВА Вера Евгеньевна —

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BATYUKOVA Vera E. —

PhD in Law, associate Professor, senior researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia